18+

狐物語

ЛИСЬИ СКАЗКИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ МИДЗУКИ

трилогия

Наталья Титова

Наталья Титова

Лисьи сны учительницы Мидзуки. Трилогия

«Издательские решения»

Титова Н. Ю.

Лисьи сны учительницы Мидзуки. Трилогия / Н. Ю. Титова — «Издательские решения»,

Днём Мидзуки учит детей в маленькой голубой школе горной деревни Кагэно, а ночью ей снится, что она лиса и бежит по лесу, где просыпаются духи деревьев, камней и рек.Три сказки — три ступени взросления: тайна лисьей крови, соблазны города огней и цена слёз. Эта книга — о тонкой границе между дневным и ночным миром, о любви, которой не суждено сбыться, и о том, что забота о других — тоже волшебство. Первую сказку можно читать с детьми, третья — для взрослых.

© Титова Н. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая Лисьи сны учительницы Мидзуки 6
Школа у рисовых полей 7
Храм на горе 13
Библиотека под храмом 16
Второй сон. Огонь и река 19
Дни в библиотеке 23
Третий сон. Голодный год 24
Отражение в свете свечи 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Лисьи сны учительницы Мидзуки
Трилогия

Наталья Юрьевна Титова

© Наталья Юрьевна Титова, 2026

ISBN 978-5-0071-7106-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛИСЬИ СКАЗКИ УЧИТЕЛЬНИЦЫ МИДЗУКИ Трилогия

Лисьи сны · Лисья дорога · Лисьи слёзы

Книга первая Лисьи сны учительницы Мидзуки

Сказка, которую можно читать с детьми

Есть сны, которые снятся не нам, а нашей крови. Они приходят тихо, как туман с реки, и садятся у изголовья, и ждут, пока мы уснём. Их не рассказывают за завтраком. Их носят в себе весь день, как тёплый камешек в кармане, и иногда, среди разговора или посреди урока, вдруг трогают пальцами, чтобы убедиться: он всё ещё здесь.

Это сказка об одном таком сне.

Школа у рисовых полей

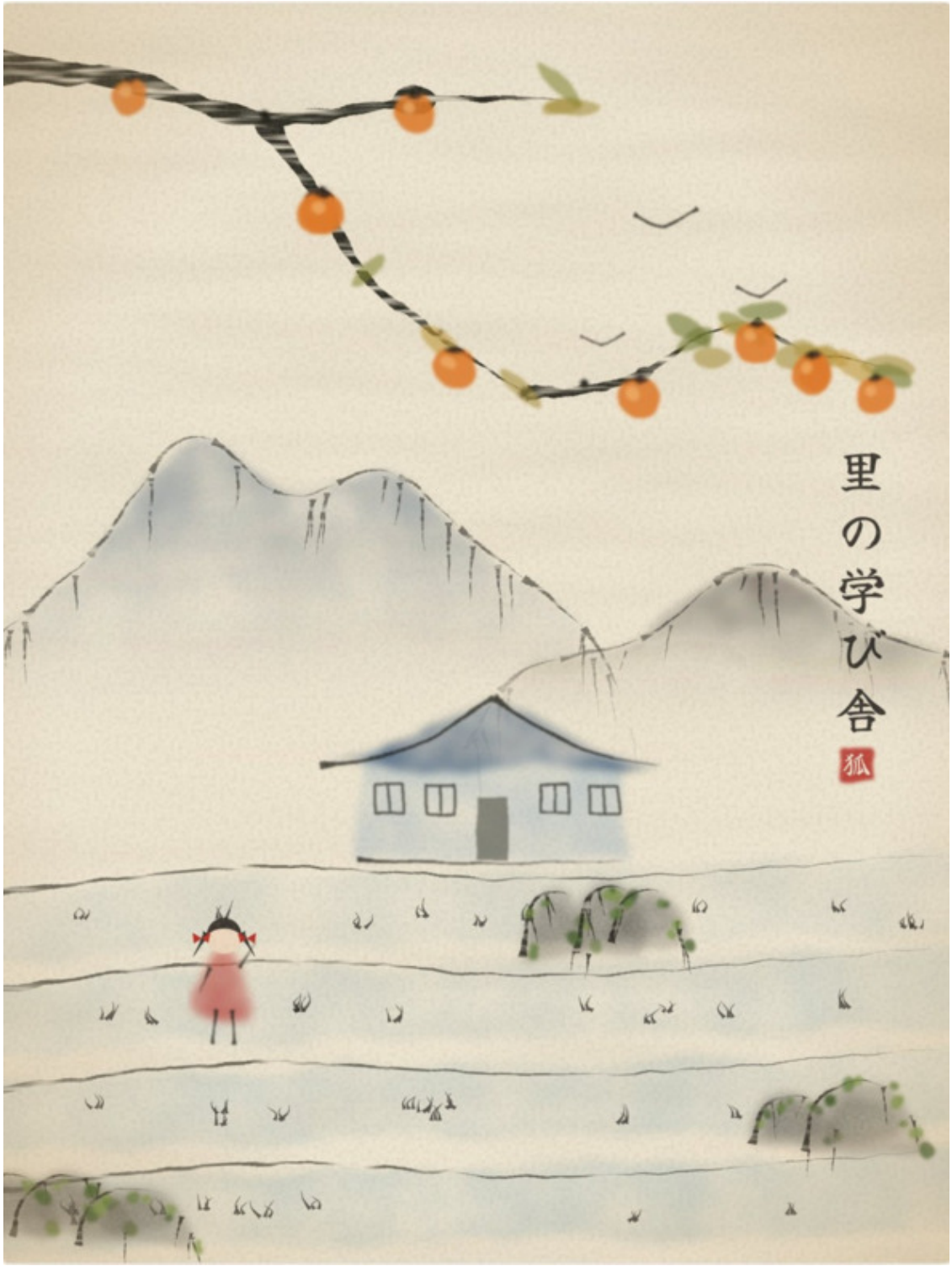
В горной деревне Кагэно, где дорога кончается у старого каменного моста, а дальше начинаются только рисовые террасы и лес, стоит маленькая школа. Она деревянная, выкрашенная когда-то в голубой цвет, который выцвел до цвета утреннего неба. На крыше гнездятся ласточки, у крыльца растёт хурма, а в классе всего одиннадцать учеников — от первоклашек до тех, кому через год ехать учиться в город.

Учительницу зовут Мидзуки. Ей двадцать семь лет. Длинные тёмно-каштановые волосы, отливающие на солнце медью, она собирает деревянной шпилькой. Глаза у неё необычного цвета — серо-зелёные, как вода в лесном ручье, когда в ней отражаются мох и пасмурное небо. Когда она смеётся, уголки глаз слегка приподнимаются, и дети говорят, что в эту секунду она похожа на кого-то, но никак не могут вспомнить, на кого.

Дети её обожают.

Но больше всех — маленькая Хината.

Ей семь лет. У неё круглые щёки, щербинка на месте переднего зуба и два хвостика, перевязанные красными ленточками. Хината — младшая из шести детей. Дома у них всегда шумно: старшие братья спорят из-за велосипеда, сёстры делят зеркало, на плите что-то кипит, а в прихожей невозможно найти свою пару обуви. Но каждое утро, посреди всей этой суеты, мама усаживает Хинату на низкую табуретку у окна и заплетает ей волосы — медленно, старательно, будто у неё нет никаких других дел. Эти несколько минут принадлежат только им двоим. Ленточки мама носила сама, когда была девочкой, и Хината очень ими гордится.



В школу она приходит раньше всех, чтобы первой сказать: «Доброе утро, Мидзуки-сэнсэй!» Она задаёт вопросы без остановки: почему небо синее, куда улетают ласточки, снится ли кошкам что-нибудь и видят ли рыбы сны под водой. Мидзуки отвечает на каждый, даже если на это уходит вся перемена. А иногда, когда класс идёт гуськом к рисовому полю на урок природоведения, Мидзуки чувствует, как маленькие пальцы тихонько берутся за край её рукава. Она ничего не говорит. Просто идёт чуть медленнее.

Есть в классе и другие: Рэн, который рисует всё подряд и носит в холщовой сумке цветные карандаши, молчаливый Сота, внук фермера, который каждое утро кладёт ей на стол что-нибудь с поля — то хурму, то гладкий речной камешек, — близняшки и будущий космонавт в очках. У каждого свой секрет, своя радость и своя обида, которую Мидзуки умеет заметить раньше, чем она превратится в слёзы.

— Сэнсэй, — спросила однажды Хината, забравшись на подоконник, — а вы когда-нибудь бываете грустной?

— Бываю, — ответила Мидзуки.

— А что вы тогда делаете?

Мидзуки посмотрела в окно, туда, где над лесом поднимался вечерний туман.

— Тогда я жду ночи, — сказала она. — Ночью мне снятся очень хорошие сны.

Она не сказала, какие именно.

Вечерами она возвращалась домой по тропинке между рисовыми террасами. В воде полей отражалось небо, и казалось, что она идёт по краю огромного зеркала, разбитого на сотни осколков. Квакали лягушки, где-то далеко лаяла собака, над горой зажигалась первая звезда. Дома Мидзуки заваривала чай, садилась у окна и смотрела, как темнеет лес. На полке стояла фотография бабушки — маленькой женщины с такими же серо-зелёными глазами, — и Мидзуки иногда разговаривала с ней шёпотом, как разговаривают с теми, кто ушёл, но остался в памяти.

Ей не было одиноко. Ей было так, как бывает перед дорогой: тихо, чуть тревожно и светло.

Первый сон. Лес, который проснулся

Ночь приходит к Мидзуки всегда одинаково: сначала гаснет свет, потом стихает сверчок за окном, а потом пол под её ступнями становится мягким и влажным, как мох, — и она понимает, что у неё больше нет ступней. Есть лапы. Четыре лёгкие рыжие лапы с чёрными «чулочками», и хвост, пушистый и тяжёлый, который тянется за ней, словно язык пламени.

Она — лиса.

В ту первую ночь, которую она запомнила, лиса стояла на опушке леса, какого не бывает на свете. Деревья в нём были выше храмовых пагод, стволы — серебристые, как лунный свет, а листва светилась изнутри мягким зелёным светом, будто в каждом листе спал светлячок. Над землёй стелился туман, и в тумане плыли споры папоротников, похожие на крошечные золотые звёзды.

Лиса побежала.

Она бежала легко, почти не касаясь земли, и там, где её хвост задевал траву, трава поднималась и начинала шептать. Лиса удивлённо остановилась и оглянулась: из-под куста, мимо которого она только что пронеслась, выглядывало крошечное существо — полупрозрачное, будто сотканное из утреннего тумана, с двумя точками глаз и листиком мха на макушке. Это был кодама, дух дерева. Он покачивал головой — туда-сюда, туда-сюда, — и от этого покачивания раздавался тихий звук, как от деревянной погремушки.

— Ты меня разбудила, — сказал кодама голосом, похожим на скрип ветки. — Я спал триста лет.

— Прости, — сказала лиса.

— Не извиняйся. Мне понравилось.

И лиса побежала дальше, нарочно задевая хвостом всё вокруг.

Старый валун у ручья, покрытый лишайником, открыл глаза — два глубоких серых провала — и медленно, с достоинством, зевнул. Это был дух камня, древний и неторопливый, с бородой из мха, спускавшейся до самой воды. Он ничего не сказал, лишь посмотрел на лису так, как дедушка смотрит на внучку, которая слишком громко смеётся в доме, — строго и с любовью одновременно.

Каменный фонарь-торо, заброшенный, наполовину ушедший в землю, вдруг вспыхнул изнутри голубым огнём. Из его окошка высунулся язычок пламени, похожий на крошечную

девочку в развевающемся кимоно, и засмеялся: «Сто лет никто не зажигал меня! Сто лет!» Это была хи-но тама, огненная душа, и она полетела вслед за лисой, освещая ей путь.

Корни старой криптомерии зашевелились, как пальцы пианиста. Грибы на пне выстроились в ряд и поклонились. Сломанный зонтик, забытый кем-то на тропе бог знает сколько лет назад, раскрылся, подпрыгнул на единственной ноге и высунул длинный розовый язык — каса-обакэ, зонтичный дух, — и поскакал рядом, радостно шлёпая по лужам.

А на самой высокой ветке сидела сова, и когда лиса пробегала мимо, сова обернулась к ней лицом старухи с глазами-лунами и произнесла:

— Ты знаешь, чья ты дочь?

Лиса не знала. Она остановилась, чтобы спросить, но сова уже снова была просто совой.

К утру весь лес шумел, пел, шуршал и переговаривался. Каждое дерево, каждый камень, каждая капля росы обрели голос. Лиса стояла на вершине холма, слушая этот хор, и чувствовала, как её сердце — маленькое лисье сердце — становится больше самого леса.

Потом взошло солнце, и Мидзуки проснулась в своей комнате с мокрыми от росы ступнями.

Она долго лежала, не открывая глаз, и слушала. За окном пели обычные утренние птицы, шумел обычный ветер, и всё это было прекрасно — но немного бледно, как акварель, которую слишком сильно развели водой. А внутри у неё ещё шумел тот, другой лес, и кодама всё качал своей круглой головой, и маленький голубой огонёк летел впереди, освещая дорогу.

Весь тот день она улыбалась без причины. Дети спрашивали, что случилось, и она отвечала: «Ничего. Просто мне снился хороший сон». И это была правда — только не вся.

касаюсь хвостом —
и старый камень во мху
вспоминает сны
фонарь у тропы
сто лет ждал одной искры.
утро. я — лиса

Храм на горе

Храм Сэйрин-дзи — «Храм Чистого Леса» — стоит на склоне горы над деревней, и к нему ведут триста двенадцать каменных ступеней. Мидзуки пересчитывала их в детстве, когда бабушка водила её сюда на праздник фонарей, и каждый раз сбивалась где-то на двухсотой.

Ступени старые, стёртые посередине тысячами ног. По обеим сторонам растут клёны и криптомерии, такие высокие, что их верхушки теряются в облаках, а у подножия стволов лежат пятна солнечного света, похожие на рассыпанные золотые монеты. Воздух здесь пахнет хвоей, влажным камнем и ладаном, который доносится сверху.

На середине пути стоят алые ворота-тории, а за ними — крошечное святилище Инари: две каменные лисы по бокам, в выцветших красных нагрудниках. У одной в зубах ключ, у другой — шар. Мидзуки всегда кланялась им, проходя мимо. В тот день, поднимаясь с тяжестью на сердце, она заметила, что поклонилась чуть ниже, чем обычно, — и что каменные лисы, кажется, смотрят ей вслед.

Сам храм открывается внезапно, как будто лес раздвигается, чтобы показать его. Первой видна трёхъярусная пагода: её загнутые карнизы один над другим поднимаются к небу, а золотой шпиль с девятью кольцами светится даже в пасмурный день. Главный зал — хондо — стоит на каменном основании, его тёмные деревянные колонны почернели от времени, а изогнутая крыша, крытая серой черепицей, поднимается к небу плавными крыльями, будто журавль, который вот-вот взлетит. На концах конька сидят керамические рыбы-сятихоко, охраняющие от пожара. Под карнизом висит огромный бронзовый колокол, покрытый зелёной патиной, а рядом — бревно на верёвках, которым в него бьют.

Перед залом — сад камней. Белый гравий расчёсан граблями в ровные волны, огибающие три тёмных валуна, поросших мхом, — как море огибает острова. В углу сада — пруд с карпами: красными, белыми, золотыми, пятнистыми. Они медленно ходят кругами под мостиком, и их спины вспыхивают на солнце, как лакированные шкатулки. Над прудом склонился старый клён, и его листья, уже тронутые осенью, падают на воду и плывут, словно маленькие красные лодки.

Сёдзи — раздвижные двери из рисовой бумаги — светятся мягким матовым светом. Деревянные полы в галереях отполированы так, что в них отражается небо. И тишина — такая глубокая, что в ней слышно, как падает кленовый лист.

Монаха звали Кэйсин.

Он был стар — так стар, что никто в деревне не помнил его молодым. Даже дедушка Соты говорил, что Кэйсин уже был стариком, когда сам он ходил в школу. Лицо монаха было смуглым и сухим, как кора старого дерева, изрезанным сотней тонких морщин, а бритая голова блестела, как полированный камень. Он носил простое тёмно-серое одеяние и чётки из сандалового дерева, от которых пахло чем-то сладким и древним.

Но главное — глаза. Узкие, почти скрытые под седыми бровями, они были удивительно ясными и тёмными, как вода в глубоком колодце. Когда Кэйсин смотрел на человека, казалось, что он видит не лицо, а то, что за ним, — как будто человек был сёдзи, а монах видел свет, горящий за бумагой.

Он встретил Мидзуки на галерее, словно ждал её.

Они сели на татами в маленькой комнате с видом на сад. Кэйсин молча заварил чай — медленно, точными движениями, взбивая зелёный порошок бамбуковым венчиком, пока не поднялась нежная пена. Протянул ей чашу. И стал слушать.

Тишина в комнате была особенной — не пустой, а наполненной, как чаша, в которую налили до краёв. В ней было слышно, как в саду падают листья, как вздыхает старое дерево стен, как бьётся её собственное сердце. Мидзуки вдруг подумала, что никогда в жизни её так не слушали: не перебивая, не торопя, не ища в её словах ошибок. Так, наверное, слушают лес.

Мидзуки рассказала всё. Про лапы, про хвост, про лес, в котором просыпаются духи. Про сову с лицом старухи и её вопрос. Она говорила долго, сбиваясь, иногда смеясь над собой — ведь это всего лишь сны, разве нет? — а Кэйсин не произнёс ни слова. Он только смотрел на неё своими колодезными глазами, и в какой-то момент Мидзуки показалось, что он смотрит не на неё, а чуть выше и позади неё, туда, где у человека ничего нет, а у лисы был бы хвост.

Когда она замолчала, монах поставил чашу, встал и жестом позвал её за собой.

Библиотека под храмом

Они прошли через главный зал, мимо позолоченной статуи Каннон, чьё лицо в полумраке казалось живым и печальным, мимо курильниц, из которых тонкими нитями поднимался дым. За алтарём, в стене, обнаружилась низкая дверь, которую Мидзуки никогда раньше не замечала, хотя бывала в храме десятки раз.

За дверью вниз уходила каменная лестница.

Кэйсин зажёг свечу в бумажном фонаре и пошёл первым. Ступени были влажными и холодными, стены сложены из тёсаного камня, кое-где на них проступали вырезанные символы — санскритские буквы, лисьи головы, волны. Лестница спускалась так долго, что Мидзуки перестала считать повороты.

А потом стены разошлись, и она ахнула.

Это был огромный зал, вырубленный в самом сердце горы. Своды его терялись во тьме, а вдоль стен до самого потолка поднимались стеллажи из тёмного кедра — ряды за рядами, полки за полками. На них лежали свитки в шёлковых чехлах, перевязанные шнурами, книги в деревянных переплётах, стопки рисовой бумаги, шкатулки из чёрного лака с перламутровыми лисами на крышках. Между стеллажами висели фонари, и когда Кэйсин поднёс свечу, они зажглись сами собой, один за другим, мягким янтарным светом, уходя вглубь зала, как огоньки деревни, увиденной ночью с горы.

Пахло старой бумагой, тушью, кедром и чем-то ещё — диким, лесным, похожим на запах мокрой лисьей шерсти.

Посреди зала стоял низкий стол, на нём — тушечница, кисти и одна-единственная раскрытая книга. На её странице тонкой кистью была нарисована белая лиса, сидящая у ручья, а рядом — женщина с ребёнком на руках. Мидзуки узнала сюжет: Кудзуноха, лиса-мать великого мага Абэ-но Сэймэя. Бабушка рассказывала ей эту историю, когда она была маленькой.

Кэйсин положил ладонь на книгу, посмотрел на Мидзуки, чуть наклонил голову — и ушёл вверх по лестнице, оставив её одну.

Он так ничего и не сказал.

Второй сон. Огонь и река

В ту ночь лес горел.

Лиса проснулась от запаха дыма — едкого, чёрного, чужого. Небо над деревьями было красным, как изнанка раны, и оттуда доносился рёв, похожий на дыхание огромного зверя. Огонь шёл с юга, пожирая криптомерии, как сухую траву. Кодама метались среди корней, качая туманными головами, и их тихий деревянный стук превратился в отчаянную дробь. Старый дух камня пытался закрыть мхом своих маленьких соседей-грибов. Огненная девочка из фонаря плакала, потому что этот огонь не был её огнём — он был злым и голодным.

Лиса поняла: остановить его может только вода.

Она побежала к реке.

Река в этом лесу была широкой и тёмной, с медленным течением и глубокими омутами, в которых отражались звёзды. Лиса вбежала на плоский камень посреди потока и позвала — не голосом, а чем-то внутри себя, тем, что звенит, когда смотришь на полную луну.

И река ответила.

Вода вздыбилась, закрутилась воронкой, и из неё поднялся дух реки. Он был высок, как молодая сосна, и соткан из текучей воды, сквозь которую просвечивали луна и звёзды. Его длинные волосы были из речных водорослей и тростника, в них запутались светлячки и маленькие серебристые рыбки. Кожа переливалась, как чешуя форели, — то голубым, то зелёным, то жемчужным. А глаза — два гладких речных камня, чёрных, мокрых, бездонных — смотрели на лису с любопытством существа, которое тысячу лет видит один и тот же берег и вдруг заметило на нём что-то новое.

Когда он говорил, его голос звучал как перекат воды по камням — низко, мягко, с тихим плеском в конце каждого слова.

— Лисица, — сказал он. — Давно ко мне не приходили лисицы.

— Лес горит, — сказала она. — Помоги.

— Лес горит часто. Потом растёт снова. Такова его природа.

— Там духи, которых я разбудила. Они погибнут, потому что я вернула их к жизни. Это моя вина.

Дух реки долго молчал. Вода стекала с его плеч и снова поднималась вверх, как дыхание.

— Всё имеет цену, — сказал он наконец. — Я поднимусь из берегов и потушу огонь. А ты останешься со мной до рассвета. Одну ночь. Я очень давно один.

Лиса посмотрела на красное небо. Потом — в его глаза-камни. В них не было хитрости, только одиночество, древнее, как само русло.

— Хорошо, — сказала она.

И река поднялась.

Она вышла из берегов огромной серебряной волной, которая покатилась в лес, шипя и рокоча, сбивая пламя, заливая угли, окутывая горящие стволы облаками белого пара. Лес наполнился туманом, и в этом тумане огонь умирал, ворча и огрызаясь, пока не затих совсем.

А лиса, стоя на камне, почувствовала, как её тело меняется — лапы становятся руками, рыжая шерсть — тёмно-каштановыми волосами, падающими на плечи. Дух реки протянул к ней ладонь, прохладную и текучую, и она вложила в неё свою.

Что было дальше, знали только луна и река. Вода была тёплой, как летний вечер. Светлячки из его волос кружились над ними, как медленный снег. Он пел ей что-то без слов — песню, которую поют камни, когда по ним тысячу лет течёт вода, — и она слушала, положив голову ему на грудь, где вместо сердца билось течение. Это была нежность без обещаний, долг, который оказался подарком.

Она думала о том, как долго он был один. Тысячу лет течь мимо одних и тех же берегов, видеть, как рождаются и умирают деревья, как люди приходят к воде и уходят, ни разу не обернувшись. Носить в себе отражения звёзд — и ни одной не удержать. И она поняла, что пришла сюда не только ради леса. Иногда спасти кого-то — значит просто остаться рядом до рассвета.

Луна медленно шла над рекой, и её свет дрожал на воде серебряной дорожкой, как будто кто-то проложил мост из этого мира в другой.

Перед рассветом он поцеловал её в лоб — губы пахли дождём и речной мятой — и сказал:

— Теперь, когда ты будешь плакать, я буду знать.

И растворился в реке.

Мидзуки проснулась с влажными волосами. На подушке лежал маленький гладкий речной камешек — чёрный, как глаз. Точно такой же Сота принёс ей когда-то на урок.

красное небо.
за одну ночь до рассвета —
целая река
в волосах светлячки.
камень у сердца поёт
песню теченья

葛の葉
狐

Дни в библиотеке

С тех пор Мидзуки поднималась к храму почти каждый день после уроков.

Кэйсин встречал её молча, заваривал чай, потом открывал низкую дверь за алтарём, и она спускалась в подземную библиотеку одна. Монах никогда не говорил, что читать. Но каждый раз на столе лежала раскрытой новая книга — как будто кто-то знал, что ей нужно.

Она читала о лисах Инари, посланницах бога риса, которые охраняют урожай. О лисьих огнях — кицунэби, — что зажигаются на болотах в холодные ночи. О хоси-но тама, жемчужине, в которой лиса хранит свою душу. О лисьих свадьбах, что играют, когда идёт дождь при ясном солнце. О том, что лиса получает новый хвост каждые сто лет, а на девятом хвосте её шерсть становится белой или золотой, и она начинает видеть всё, что происходит в мире.

Она читала старые рукописи, написанные дрожащей кистью, где тушь выцвела до цвета ржавчины. Родословные, в которых напротив некоторых имён стоял маленький знак — лисья голова. Стихи, записанные женщинами, которые ушли в лес и не вернулись. И письмо — одно, на тонкой бумаге, — написанное, судя по почерку, женской рукой:

«Если захочешь найти меня, приходи в лес Синода. Я буду ждать тебя там, где цветут хризантемы».

Иногда, поднимая глаза от книги, Мидзуки видела, что на соседней полке сидит маленький кодама из её сна и качает головой. Или что фонарь горит голубым светом вместо жёлтого. Она моргала — и всё становилось как прежде.

А в школе дети начали замечать перемены.

— Сэнсэй, вы стали пахнуть лесом, — сказала однажды Хината, уткнувшись носом в рукав её кофты.

— Сэнсэй, — прошептал Рэн, показывая новый рисунок, — мне приснилось, что вы бежите по лесу. Вот.

На рисунке была рыжая лиса с серо-зелёными глазами — Рэн старательно смешал для них серый и зелёный карандаши, — а за ней — хоровод маленьких туманных существ с листиками на макушках.

Мидзуки долго смотрела на рисунок. Потом погладила Рэна по голове и попросила разрешения оставить его себе.

Сота ничего не сказал. Он просто положил на её стол ещё один речной камешек и посмотрел на неё так, будто всё понимал.

Осень шла над деревней неторопливо, как старая женщина с корзиной. Клёны на склонах вспыхнули алым, потом медью, потом облетели. Рис убрали, и снопы сушились на деревянных вешалах вдоль полей, золотые, пахнущие солнцем. По вечерам Мидзуки спускалась с горы, когда в деревне уже зажигались окна, и каждое окно казалось ей маленьким фонарём, поставленным кем-то специально для неё — чтобы она не заблудилась на пути домой.

Иногда ей было страшно. Не от снов — от того, как хорошо ей в них. От того, что граница между ночью и днём становится всё тоньше, как рисовая бумага, сквозь которую уже проступает свет. Но потом утром она входила в класс, и Хината бросалась ей на шею, и страх уходил, как туман с полей.

Третий сон. Голодный год

В третьем сне была зима — долгая, серая, бесснежная и голодная.

Лиса была уже не юной и не одна. В норе под корнями старого дуба, выстланной сухой листвой и её собственной шерстью, спали трое лисят.

Старший, Акэ, был самым рыжим — ярко-медным, с белым пятном на груди в форме полумесяца. Смелый до безрассудства, он первым высовывал нос из норы, первым лаял на тени и уже пытался охотиться на мышей, хотя пока ловил только собственный хвост.

Средняя, Нэму, — пушистый сонный комочек светло-песочного цвета. Она могла уснуть где угодно: на спине брата, в луже солнечного света, посреди игры. Во сне она смешно дёргала лапками и тихо скулила, и лиса знала, что ей снятся бабочки.

Младший, Сиро, был самым маленьким и самым тихим. У него был белоснежный кончик хвоста — как будто его окунули в молоко, — и странные глаза: не карие, как у всех лис, а светло-голубые, как утренний лёд на реке. Он редко играл с братом и сестрой, а подолгу сидел у входа в нору и смотрел на лес, склонив голову набок, будто слушал что-то, чего не слышали другие. Лиса иногда думала, что Сиро видит духов.

По ночам, когда лисята засыпали, сбившись в один тёплый клубок, лиса не спала. Она лежала, обернув их хвостом, и слушала, как они дышат, — три маленьких дыхания, три разных ритма: торопливое у Акэ, сладкое и медленное у Нэму, едва слышное у Сиро. Она считала

эти вдохи, как считают звёзды, и думала, что никогда ещё не держала в себе столько нежности сразу. Нежность была тяжёлой и тёплой, как спящий детёныш на груди.

Но в тот год лес был пуст. Мыши ушли глубоко под землю, птицы улетели, ягоды высохли ещё летом. Лисята плакали от голода по ночам, прижимаясь к матери, и Нэму больше не видела во сне бабочек.

Тогда лиса пошла в деревню.

Деревня внизу, у подножия горы, была похожа на Кагэно — те же рисовые террасы, только пустые и потрескавшиеся от засухи, те же деревянные дома с соломенными крышами, та же дорога, кончающаяся у каменного моста. Люди здесь тоже голодали. Но у них ещё оставался рис в амбарах — немного, на самый крайний случай.

У края поля лиса встряхнулась, и её шерсть превратилась в простое рабочее кимоно цвета осенних листьев, а хвост — в длинную тёмно-каштановую косу. Только глаза остались прежними: серо-зелёными, как лесной ручей в тени.

Она постучала в первый дом.

Там жил старый фермер Гэндзо — сгорбленный, с руками, узловатыми, как корни, и лицом, выдубленным солнцем и ветром. Он чем-то напоминал дедушку Соты. Его жена давно умерла, сыновья уехали в город, и он один пытался спасти то, что осталось от поля. Колодец во дворе пересох, соседи разводили руками.

— Я могу помочь, — сказала лиса-женщина. — За еду для моих детей.

Гэндзо долго смотрел на неё из-под седых бровей. Потом кивнул.

Она работала три ночи подряд, пока деревня спала. Люди потом говорили, что видели на полях огоньки — голубые, мерцающие, будто кто-то шёл с фонарём. Лиса отыскала старое русло подземного ручья, в котором ещё текла вода: она услышала его, как слышат лисы, прижав ухо к земле. Она показала Гэндзо, где копать. Она прогнала из амбара крыс, которые съедали последние запасы. Она нашла в лесу, за тремя горами, тайные поляны, где ещё росли съедобные корни и грибы, — и отвела туда деревенских женщин.

А ещё она попросила о помощи духа реки. Она не видела его с той огненной ночи, но когда пришла к берегу и позвала, вода отозвалась тихим плеском. «Я знал, что ты плачешь», — сказал он. И под деревней, в пересохшем колодце Гэндзо, снова зажурчала вода.

На четвёртое утро Гэндзо ждал её у ворот. В руках у него был свёрток: рис, завёрнутый в лист лопуха, сушёная рыба и — неожиданно — несколько кусочков жареного тофу.

— Для детей, — сказал старик. И добавил, глядя ей прямо в глаза: — И передай им: если голод придёт снова, пусть приходят. Лисам в этом доме всегда рады.

Он знал. Конечно, он знал.

Лиса поклонилась ему — глубоко, по-человечески, — и побежала в лес.

Лисята ели жадно, давясь, урча, пачкая мордочки. Акэ съел больше всех и потом гордо лежал на спине, раздув живот. Нэму уснула прямо с кусочком тофу во рту. А Сиро поел немного, подошёл к матери, ткнулся носом ей в шею и прошептал — лисята ведь умеют шептать, если очень нужно:

— Мама, ты пахнешь людьми.

— Да, — ответила она.

— Это хорошо?

Лиса обвила детей хвостом и долго смотрела на звёзды через вход в нору.

— Это и есть я, — сказала она.

Снаружи тихо падал первый за всю зиму снег. Он ложился на корни дуба, на пустые поля, на крыши деревни внизу, и в доме старого Гэндзо горело одно окно — как будто он тоже не спал и думал о них.

Утром Мидзуки проснулась и обнаружила, что плачет. На кухонном столе стояла миска — Мидзуки не помнила, чтобы ставила её туда, — а в ней лежали три сухих дубовых листа.

голодная зима.
три пары глаз в темноте
ждут мой лунный шаг
рис в лопухе,
старик у ворот кланяется —
он всё понимает
белый кончик хвоста,
мой младший слушает лес.
он будет как я

Отражение в свете свечи

Прошла осень. Клён над храмовым прудом облетел, и карпы ушли на дно, в тёплую глубину. В школе дети готовили праздничное представление к Новому году: Рэн рисовал декорации — лес с лицами на деревьях, Хината репетировала роль совы (реплику «Ты знаешь, чья ты дочь?» она придумала сама и сказала, что та ей приснилась), близняшки шили костюмы, а Сота молча сколачивал из досок мост и раскрашивал его под старый камень.

А Мидзуки каждый вечер спускалась в подземную библиотеку.

В тот вечер шёл первый снег. Она поднималась по тремстам двенадцати ступеням, и снежинки садились на её волосы и не таяли. Каменные лисы у святилища Инари стояли в белых шапках, и ей показалось — нет, она была уверена, — что одна из них подмигнула.

Кэйсин встретил её на галерее. Он, как всегда, молча заварил чай, но в этот раз, протягивая ей чашу, впервые улыбнулся — едва заметно, одними уголками глаз.

В библиотеке было тихо. Фонари горели ровно. На столе лежала книга — та самая, первая, с Кудзуноха и её сыном, — а рядом с ней стояла свеча в бронзовом подсвечнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.